

СЛОВО•РЕДАКТОРА

Земля с северной перспективы. Новый план Земли (*Nieuw Aerdſch Pleyn*). Автор — Корнелис Данкерц (*Cornelis Danckerts*). Амстердам, 1696–1700 гг.

Белорусское слово *сівер* обозначает северный ветер и север как сторону света. Оно происходит от праслав. **sěverъ* ‘север’, связано со ст.-слав. *северъ*, болг. *сѣвер*, сербохорв. *sjěvēr*, словенск. *séver*, чешск., словацк. *sever*, родственно лит. *šiaurỹs* ‘северный ветер’, *šiaurė* ‘север’, *šiaurūs* ‘суровый, пронизывающий’. Все эти слова восходят к индоевропейскому корню *(s) *k’ēwer-* ‘холодный, северный ветер, север’.

Мы выбрали именно это название исходя из того времени и пространства, в котором мы находимся. Настоящее — есть момент системного кризиса всей нашей цивилизации и самих её оснований: философских, религиозных, политических и экономических. Суровое время масштабных преобразований, жёсткой борьбы и трудного созидания будущего. Этот посыл созвучен тому, что написал французский философ и социолог Роже Кайуа в своём эссе «Зимний ветер»¹:

Время уже не так милосердно. Теперь над миром проносится великий ветер субверсии, холодный, суровый, арктический ветер, смертельный и исцеляющий, убивающий слабых, больных и птиц, которым не пережить зиму. В природе свершается некое, медленное и необратимое очищение, словно незримой поступью приближается смерть. [...] Плохое время, может быть, четвертичный период — наступление ледников, — начинается для этого надломленного, стареющего, наполовину разрушенного общества: дух испытания, безжалостной и весьма непочтительной недоверчивости, дух, преклоняющийся перед силой и осуждающий способность сопротивляться — и достаточно хитрый, чтобы сорвать маску со всякой хитрости. Этот климат будет весьма суровым, а отбор действительно жёстким. [...] В это время очень низких температур мы будем узнавать тех, у кого продолжает течь кровь в жилах, по розовому цвету лица, по свежести кожи, по непринуждённости, по тому веселью, с которым они наслаждаются условиями своей жизни и той дозой кислорода, которая требуется их лёгким. Остальные, измученные своей слабостью и изгнанные со сцены, сжимаются, съёживаются, сворачиваются клубком в норах; беспокойные становятся неподвижными, разговорчивые — молчаливыми, комедианты — невидимыми. Поле освобождается для более приспособленных: нет никаких препятствий на дорогах, которые помешали бы их шествию, нет мелодичного щебетанья, которое заглушило бы их голос. Чтобы узнать друг друга в разрежённом пространстве, которое только и оставляет после себя зима, они идут сомкнутыми рядами, бок о бок, с сознанием своей силы, и новая весна освятит их судьбу.

Сивер — знамение уходящей эпохи и одновременно ориентир на то, что должно прийти на смену. *Сивер* — это вызов, испытание и опасность, но и путь их преодоления, восхождения и победы. *Сивер*, как журнал и интеллектуальное пространство, мы видим в качестве археофутуристической лаборатории, где вневременные, традиционные принципы и идеи сопрягаются с требованиями будущего. Эта работа и её результат необходимы нам не ради вящей славы очередных созерцателей упадка, пророков или утопистов, но ради собственного выживания в трудное время, когда привычные нормы уже не работают или ведут к смерти. *Сивер* — это инструмент поиска, отбора и конструирования жизнеспособных элементов мировоззрения, императивов действия и целей, побуждающих на свершения.

За тёмными тучами, приносимыми зимним ветром уже угадываются очертания горизонтов будущего, *идея Севера* витает в воздухе. Она возникает в разных местах, пока только в виде намёков, догадок, предостережений, первых попыток концептуализации. Она поднимается над руинами низверженных верований и идеологий. Она восходит и превосходит.

Чем есть для нас *Север* и *идея Севера*? Естественно, в рамках здорового этноцентризма это прежде всего европейский Север, Балтоскандия, Циркумбалтийский регион, регион Великого Княжества Литовского, куда относится и Беларусь, территории, населённые балто-славянскими, германскими, кельтскими и финно-угорскими народами, но Север не ограничивается только географией, это метафизический принцип и мифологический локус. Поэтому излучения *Севера*, исторические примеры воплощения *Северной идеи* мы находим и в дорической Греции, имперском Риме, на Балканах — в межвоенной Румынии и даже в этосе японских самураев.

К слову сказать, в балканском ареале для обозначения холодного северного и северо-восточного ветра используются слова, имеющие основу *kriv-*: рум. *crivăț*, болг., словенск., хорв. *krivec*, серб. *krivac*, что особенно интересно в связи с темой отождествления

¹ Кайуа Р. Зимний ветер // Колледж социологии. Санкт-Петербург, 2004. С. 229–230.

«кривого», «священного» и «северного», *Кривии* и *Гипербореи*, что также подчёркивает неслучайную связь и далеко не маргинальное положение нашей земли в границах Севера².

Декларируя в качестве ключа к *Северной идее* приверженность *Традиции*, понимаемой как совокупность ценностей и основных культурных структур, которая передаётся из поколения в поколение и образует каркас коллективной памяти³, мы следом за Гийомом Фаем утверждаем, что «*суть традиции — наследие предков и его творческое продолжение, потому что любое наследие надо оплодотворить. Но надо отдавать себе отчёт, что традиция — это развитие. Чтобы оставаться живой, структура традиции должна менять свою форму, в то же время как её дух будет оставаться тем же*»⁴. Это также полностью соответствует и словам Эрнста Юнгера: «*Форму общей необходимости поколений мы называем «традицией», а её живое ядро — смыслом традиции. Последнее означает не что-то сформировавшееся, а постоянно развивающееся в великом потоке времени судьбы, то есть сам характер кровотока, смысл которого исполняется во времени — сплав будущего и прошлого в раскалённом очаге настоящего*»⁵.

Именно поэтому, основываясь на почве нашей местной Традиции, будучи укоренёнными в ней, мы предлагаем её интегральное видение. Кривские, литовские, польские, русские элементы — в этнокультурном плане, языческие, православные и католические — в религиозном, имперские и национальные — в политическом мы не противопоставляем друг другу, а рассматриваем как разные этапы и локальные формы развития общего пространства, причём без линейной последовательности — как наследие, которое может быть актуализировано в современных формах в зависимости от «необходимости поколений». В отличие от синкретизма и эклектики, интегральный подход не нуждается в смешении всего и сочетании слишком разнородных элементов, он не просто признаёт их наличие или выступает за некий «диалог», а определяет место и качество действия для каждого из них.

Пространство, в котором они располагаются, — не просто замкнутый резервуар, где нужно как-то «сосуществовать». Существование всего разнообразия имеет свою большую цель, и эта высшая по отношению к частностям целесообразность определяет развитие всего ансамбля, наполняет смыслом роль каждого элемента. Неутомимое развитие, целеустремлённое движение вовне себя и сверх себя — вот что снимает многие противоречия и устраняет необходимость поиска взаимоослабляющих компромиссов или применение насилия. Определение, формулирование и согласование целей и способов такого движения и является основной задачей нашего издания.

Решение этой задачи — достаточно сложный и рискованный путь, требующий тонкого баланса между внутренним и внешним, сохранением ядра и работой на пограничье, консерватизмом и экспансивностью. Тем не менее, мы убеждены, что без этого никакого развития и существования Традиции не может быть вообще. И мы рассчитываем, что *Сівер* станет одним из мест интеллектуальной и духовной встречи «авантюрных сердец», которые понимают это так же как и мы.

Отдельно стоит сказать о языковой политике и визуальной концепции нашего журнала. Будучи изданием, выросшим на белорусской культурной основе, тем не менее, мы хотели бы, чтобы нас читали и понимали не только в Беларуси, но и в ближайших окрестностях: России, Украине, Литве, Латвии и там, где звучит русская речь, ставшая языком международного общения. При этом родной белорусский язык также постоянно будет присутствовать на страницах *Сівера* — знаковые и важные для белорусского контекста материалы будут печататься именно на нём. Кроме того, это будет своеобразным стимулом читателям, интересующимся Беларусью, выучить наш язык.

Разрабатывая визуальный образ и макет *Сівера*, мы обратились к изданиям нашего знаменитого земляка — Франциска Скорины, откуда почерпнули принципы размещения текста и иллюстраций, шрифт для логотипа; на основе скориновской гарнитуры Денисом Серебряковым был разработан и современный шрифт, используемый

² Более подробно этому будет посвящена статья «Падставовыя элементы крыўскага традыцыяналізму» в следующем номере «Сівера».

³ Фай Г. За что мы сражаемся? Идеологический словарь. Москва, 2007. С. 194.

⁴ Там же.

⁵ Юнгер Э. Националистическая революция. Москва, 2008. С. 97.

в заголовках. Обращение к Скорине обусловлено не только попыткой переосмысления нашего наследия в области визуальной культуры и книгопечатания, но и тем, что *Сівер* мы рассматриваем как аналогичный скориновскому проект. Издания Франциска Скорины были новаторскими, определяющими дальнейшее развитие и поэтому опередившими своё время. То же самое стремление движет и нами. Как и Скорина, мы будем сочетать в своей стратегии просвещения идею и её художественное воплощение, поэтому значительное место в нашем журнале будет занимать блок, посвящённый различным видам искусства: литературе, графике, живописи, кинематографу, музыке.

Сівер для нас — идейный авангард, вобравший в себя знания и опыт многих поколений, живших до нас на белорусской земле. Эти знания и опыт, тщательно отобранные из разных источников и проверенные на жизнеспособность, переплавленные тут в драгоценный металл Традиции, — точка опоры и начало кругового движения, охватывающего окрестные земли. Движения с ориентацией на Полюс, духовный Север, присоединиться к которому мы приглашаем наших читателей.